

* * *

Большой интерес представляет и другая недавно опубликованная работа Л. Кунца, посвященная этнографическим музеям и отделениям этнографии крупнейших музеев стран Центральной и Восточной Европы. По определению самого автора, эта книга должна служить «временным справочником для внутренних потребностей музеев» (стр. 18). Однако она выходит за рамки узкой задачи, поставленной автором.

Как известно, национальные музеи, в частности их этнографические отделения, являются в большинстве стран Европы важными очагами культуры, хранителями вещественных памятников быта и истории народов. Собранные в музеях экспонаты послужили базой для развития во второй половине XIX в. научной этнографии. Поэтому книга Л. Кунца, знакомя читателя с историей и современным состоянием 50 крупнейших этнографических музеев 10 стран Европы, по существу открывает перед ним одну из страниц истории культуры народов этих стран³.

Изданию книги предшествовала большая организационная работа, успешно проведенная Моравским музеем. По инициативе Л. Кунца во все основные этнографические музеи и музеи народного искусства Албании, Австрии, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Польши, Румынии, Советского Союза, Чехословакии, Югославии была разослана анкета, включающая вопросы о времени основания музея, количестве хранящихся в нем экспонатов и их характере, книжном фонде музея, его публикациях, общем числе сотрудников и их научной специализации. Присланные из указанных стран материалы по существу резюмируют рабочие отчеты отдельных музеев. В тех случаях, когда автор не располагал оригинальным материалом, он прибегал к помощи справочных изданий типа «The world of Learning».

Л. Кунц умело скомпоновал полученные материалы, придав им четкость и логичность справочника. Все материалы опубликованы по выбору приславших их учреждений на одном из наиболее распространенных европейских языков.

Книга Кунца о музеях стран Центральной и Восточной Европы, как и книга о Моравском музее, содержит много иллюстраций (общим числом более 100), весьма умело подобранных. Интересные сведения содержатся в приложениях к книге, в их числе — сводная статистическая таблица, резюмирующая основные данные анкет, карта размещения этнографических музеев в странах Центральной и Восточной Европы, сводный указатель музеев и список музейных работников, упоминаемых в книге.

И. Калоева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Dorothy Woodman, *The Republic of Indonesia*. London, 1955; IX + 444 стр.

Книга «Республика Индонезия», написанная прогрессивным английским историком — специалистом по вопросам Дальнего Востока Доротой Вудмэн, является одной из наиболее заметных в литературе последних лет, посвященной Индонезии и ее проблемам. В 1951 г. Вудмэн совершила большую поездку по Индонезии. В книге использованы также основные работы об Индонезии, опубликованные в последнее время на английском и — в меньшей степени — на голландском языке.

Части I и II (главы 1—8) содержат исторический обзор страны, начиная с формирования первых государств. Материал изложен в хронологическом порядке, каждому крупному историко-географическому району Индонезии посвящена особая глава (гл. 2 — Яве, гл. 3 — Суматре и т. д.). Исторические экскурсы очень коротки, но автор умело схватывает основное. Части III и IV (главы 9—19), построенные не по географическому, а по тематическому признаку, рассказывают о борьбе индонезийского народа за независимость и дают характеристику внутреннего положения страны в период с 1942 г., т. е. с начала японской оккупации, до 1955 г.¹ Помимо изложения основных событий, связанных с политической историей страны, автор приводит интересные, часто новые этнографические данные, главным образом по современной Индонезии.

³ Среди описанных в книге музеев имеются и такие крупные учреждения, как Музей всеобщей этнографии им. Напрсткова в Праге, Музей этнографии в Лейпциге, Государственный музей народного искусства в Дрездене, Венгерский национальный музей в Будапеште, Государственный музей этнографии народов СССР и сравнительно малоизвестные, но располагающие ценными этнографическими коллекциями музеи, например Музей керамики в Вельтене.

¹ В издании 1956 г. отражены в примечаниях некоторые важнейшие события, имевшие место в 1955 и начале 1956 г.

В предисловии Вудмэн заявляет, что хочет «описать прошлое и настоящее Индонезии с неколониалистской точки зрения» (стр. VII). Все содержание книги подтверждает это заявление. Автор с большой симпатией пишет о народах Индонезии, отмечая те своеобразные черты, которыми наделен каждый из них, и выражая надежду, что республиканское правительство сумеет вызвать к жизни таящиеся в народах Индонезии силы, которые были скованы 350-летним колониальным игом.

Одним из коренных вопросов древней истории Индонезии является вопрос об истоках индонезийской культуры, о соотношении в ней индийских и индонезийских элементов. Накопленные в последние десятилетия данные позволяют решительно пересмотреть теорию об «индийской колонизации» архипелага — теорию, которая имеет хождение и среди части советских историков. Внимание ученых должно быть сосредоточено на развитии индонезийской культуры и на усвоении ею различных — в том числе и индийских — элементов, проникавших на архипелаг извне, а не на «пересадке» индийской культуры на индонезийскую почву.

Вудмэн показывает, что народы Индонезии еще до прихода индийцев имели высокую самобытную культуру. Опираясь на работы последних лет², она по-новому рассматривает так называемый «индийский период» истории Индонезии. Автор приводит ряд свидетельств, доказывающих непрерывное развитие индонезийской культуры на протяжении тысячелетий (стр. 130—136).

Основной удар автор направляет против голландских колонизаторов и их политики в Индонезии. Из работ зарубежных буржуазных историков, пожалуй, ни одна не является такой последовательной в разоблачении голландского колониализма, как книга Вудмэн³. Автор показывает, что так называемая «дуальная система», сложившаяся в экономических отношениях между обеими странами, — по поводу «благотворного воздействия» которой на Индонезию голландские экономисты написали немало книг и статей, — это нажива для одних и рабство для других (стр. 386—388). Достаточно вспомнить, что вплоть до начала второй мировой войны голландцы сохраняли в Индонезии различные формы принудительного труда. В 1929 г. индонезийский общественный деятель Агус Салим подсчитал, что, например, на Южной Суматре число дней принудительного труда колебалось от 100 до 200 в году! (стр. 45—46). Индийский ученый К. Панниккар пишет, что голландцы проводили в Индонезии политику, в результате которой «все население страны систематически низводилось до положения плантационных рабочих», при этом голландцы «не признавали никаких моральных или правовых обязательств перед индонезийцами» и «тиранили сверх всякой меры народ, от эксплуатации которого они извлекали величайшие прибыли»⁴.

Варварская жестокость, вероломное натравливание одних княжеств на другие, нарушение договоров, подкуп аристократии и т. п. — таковы были методы голландских колонизаторов. При этом краеугольным камнем их политики являлось искусственное расчленение страны и задерживание ее социально-экономического развития.

Факты, приводимые Вудмэн, показывают неприглядную роль многих голландских ученых, которые нередко выступали в роли апологетов и проводников голландской агрессии. Одного из них, известного знатока ислама, арабского Востока и Индонезии — Снука Хюргронье, Вудмэн так и называет «агентом-ученым» (стр. 53.) С осуждением рассказывает она о его деятельности, способствовавшей покорению княжества Аче на Северной Суматре.

Бесспорно, голландские ученые очень много сделали для изучения Индонезии, но делали они это совсем не бескорыстно. Вудмэн пишет, что голландские ученые «проповедовали необходимость сохранить законы адата и конструировали чрезвычайно сложную систему из 19 адатных зон для того, чтобы сохранить разнообразие социальных и правовых обычаев по всей стране» (стр. 151). Совершенно справедливо Вудмэн говорит: «Для голландских правителей... это различие (правов, языков, обычаев и т. д. — Ю. М.) было желанной гарантией разобщенности; не один народ, настаивали они, но много; не нация, но группы мужчин и женщин, разделенные морем..., языком и обычаями, удерживаемые вместе... управлением голландских чиновников из центра, голландским военно-морским флотом...» (стр. 11).

Вудмэн отмечает, что труды голландских ученых, направленные на сохранение раздробленности и отсталости страны, встречают в Индонезии все большее осуждение (стр. 386).

Немалую роль в утверждении голландцев в Индонезии и в разобщении народов Индонезии сыграли миссионеры (хотя субъективно многие из них были настроены сочувственно к населению страны). Например, обращенные в христианство жители Северного Сулавеси использовались в качестве основного контингента для колониаль-

² J. C. van Leur, *Indonesian Trade and Society. Essays in Asian Social and Economic History*, The Hague — Bandung, 1955; F. D. K. Bosch, *Het vraagstuk van de Hindoe-kolonisatie van den Archipel*, Leiden, 1946, и др.

³ Именно поэтому буржуазная печать очень сдержанно встретила книгу Вудмэн, что уже отметил Л. Дадияни (см. его рецензию в журнале «Советское востоковедение», 1957, № 3).

⁴ K. M. Panikkar, *Asia and Western Dominance*, London, 1954, стр. 118.

ных войск. Им платили более высокое жалование, натравливая индонезийцев-христиан на мусульман (стр. 98.)

Но никакими мерами не могли голландцы подавить стремление индонезийского народа к свободе. В своей книге Вудмэн тщательно собрала факты, говорящие о непрерывной героической борьбе индонезийцев против голландского господства. Память о борцах за независимость бережно хранится населением страны⁵.

Подавляющее большинство западноевропейских ученых пишет о периоде после 1927 г., как о времени мирного развития, когда индонезийцы, якобы убедившись в преимуществе сотрудничества с голландцами, отбросили всякую мысль о восстании. В противоположность им Вудмэн, — и в этом ее большая заслуга, — утверждает, что события 1926—1927 гг. вызвали новую волну национально-освободительного движения, которое из-за террора, проводимого голландскими властями, из-за гибели многих руководителей движения, прежде всего коммунистов, должно было принять новые формы.

Страницы, посвященные Коммунистической партии Индонезии, являются наименее удачными в книге и не дают представления о значении деятельности Коммунистической партии в истории страны. Тем не менее автор отмечает неуклонный рост влияния компартии на массы.

Автор показывает значение образования Национальной партии и ее роль в освободительной борьбе. Вудмэн отмечает исключительную популярность президента Сукарно в Индонезии. Всюду можно встретить его портреты; его признают лидером в самых отдаленных районах страны, в том числе и на оккупированном голландцами Западном Ириане: он — символ республики (стр. 10, 70, 106, 123, 198).

Однако Вудмэн пишет об освободительной борьбе в стране только как о борьбе национальной; что же касается классовой борьбы, то она полностью выпадает из поля зрения автора.

Материалы автора дают возможность составить представление о политике правой буржуазно-помещичьей партии «Машуми» и социалистической партии Шарира. Автор показывает соглашательскую политику Хатта, который после 1947 г. «шел от уступки к уступке», «уступил» Голландии Западный Ириан, постоянно действовал по указке США (стр. 245, 259—260). Вудмэн дает яркий портрет Шарира, отмечая, что он стоит «в стороне от масс», является «умеренной примиренческой личностью» и все свои надежды возлагает на США (стр. 215—217, 364). Ориентация на капиталистические страны, прежде всего на США, нашла свое отражение и в оценке Шариром классического культурного наследия своего народа, — здесь он дошел до полного нигилизма⁶.

Особо останавливается Вудмэн на деятельности религиозно-политической организации «Дар-уль-Ислам», показывая открыто террористический характер этой организации, имеющей свою армию, свои школы и даже облагающую население поборами в свою пользу (стр. 359, 425). Вудмэн отмечает близость между идейными позициями партии «Машуми» и террористов из «Дар-уль-Ислам» (стр. 425)⁷.

Правдиво рисует Вудмэн жизнь Индонезийской республики в первые месяцы после ее провозглашения. Вопреки утверждениям буржуазной пропаганды, в стране не было никакого хаоса. Повсюду царил порядок; народные массы, сбросившие многовековое колониальное иго, были охвачены небывалым подъемом. Вудмэн приводит интересные свидетельства некоторых голландцев — очевидцев первых месяцев жизни республики. Укреплялись связи Индонезии с другими странами; так, Индонезия нашла возможность оказать помощь голодающим районам Индии (стр. 222—224).

Однако существование республики, как об этом свидетельствует автор рецензируемой книги, было бельмом на глазу у империалистов Голландии, США, Англии. Автор дает яркую картину действий империалистов, направленных на подавление революции, на расчленение Индонезии. Наступление шло по всем фронтам: военные действия, экономическая блокада, создание марионеточных государств.

Когда стало ясно, что вооруженное вмешательство не поможет, правительство США изменило свою тактику. По предварительному соглашению с Голландией, оно

⁵ Л. Дадани в упомянутой рецензии, перечисляя имена борцов против голландского гнета, допустил ошибку. В результате неправильного перевода появился некогда не существовавший народный герой Падрис («Сов. востоковедение», 1957, № 3, стр. 193). На самом деле в тексте книги Вудмэн речь идет о «движении падри», во главе которого стоял имам Бонджол. «Падри» (по-английски множественное число имеет форму the Padris) — мусульманские священнослужители, бывшие руководителями и активными участниками движения среди части минангкабау (западное побережье Суматры) за обновление ислама, за уничтожение пережитков материнского рода, противоречащих догмам ислама, за изгнание голландцев, поддерживавших эти пережитки (см. D. Woodman, Рец. раб., стр. 58; Muhammad Radjab, Perang Paderi di Sumatera Barat, 1, 1954).

⁶ S. Sjahrir, Out of exile, London, 1949, стр. 66—67; D. Woodman, Рец. раб., стр. 302—303.

⁷ В буржуазной печати оценка правых партий и их лидеров, сделанная Вудмэн, вызвала многочисленные упреки в адрес автора (см., например, рецензию в журнале «The Islamic Review», September, 1957, стр. 34—35).

предложило Индонезии приманку в виде финансовой помощи на случай, если будет образовано временное федеральное правительство (стр. 234). Нота США, которую Вудмэн цитирует на той же странице, является прекрасным выражением политики «кну-та и пряника». «Предложение долларов,— пишет Вудмэн,— было равносильно обмену независимости Индонезии на доллары». После Конференции круглого стола США по-прежнему настаивали на идее федерализации, пытались связать Индонезию секретным договором о финансовой и военной помощи, проводили и поныне проводят политику усиленного экономического давления на республику, сбивая цены на ряд индонезийских товаров, прежде всего — на каучук, что причиняет огромный ущерб экономике страны⁸.

Что касается Англии, то, приведя многочисленные факты, свидетельствующие о том, что ее политика находится в полном соответствии с политикой США, Вудмэн все же пытается обелить английское правительство, стремясь представить дело так, будто британское вмешательство произошло из-за дезинформации со стороны «тупого правительства» Голландии (стр. 209—210).

Перед Индонезийской республикой остро стоит вопрос о борьбе против попыток нарушить политическое единство страны и прежде всего — вопрос о воссоединении Западного Ириана с республикой, а также о ликвидации сепаратизма, так как именно через этот канал действуют сейчас иностранные интервенты. В настоящее время реакционная печать капиталистических стран трубит о «непреодолимых центробежных силах», о «невозможности единого централизованного государства в Индонезии» и т. д. и т. п. В этой связи интересны многочисленные факты, приводимые Вудмэн, которые убедительно показывают сплочение народов Индонезии вокруг центрального правительства.

На Северном Сулавеси, где в прошлом голландское господство было наиболее прочно, подавляющая часть населения выступила против голландцев, за республику (стр. 83). Аналогичный процесс шел на Южном Сулавеси, среди тораджей Центрального Сулавеси (стр. 85, 93). На о. Бали население быстро поняло, что «поддержка голландцами федерального государства была голландским колониализмом в новом обличье» (стр. 114—115).

Ярким примером единства республики явился развал марионеточных государств после нападения Голландии на республику в декабре 1948 г. Марионетки-правители быстро лишились всякой поддержки народа. После поражения голландской агрессии в стране развернулось массовое народное движение за ликвидацию федерального союза из 16 государств, так называемых Соединенных Штатов Индонезии, и за создание единого государства под лозунгом, выдвинутым президентом Сукарно: «Единая от Сабанга до Мерауке»⁹.

Особое внимание уделяет автор вопросам, связанным с сепаратистскими выступлениями в Индонезии. Вудмэн показывает, что мятежи в 1950, 1952 гг. в Аче, на Сулавеси, на Молукках, создание марионеточных республик, вроде «Республики Западной Явы» или «Республики Южно-Молуккских островов», — все это дело рук голландских империалистов. В конце 1951 г., пишет автор, «банды мятежников все еще бродили в горах; некоторые из мятежников в прошлом состояли в голландской колониальной армии и выступали против республики; многие были молодыми людьми, которые находили, что этот образ жизни легче, чем постоянная работа, а некоторые были просто бандитами» (стр. 92—93). Таково подлинное лицо «борцов за демократические свободы», о которых столь много пишет реакционная печать.

Главную причину мятежей в Индонезии Вудмэн видит в подстрекательской деятельности голландских империалистов, а также в сепаратизме местных феодалов. Однако Вудмэн ничего не говорит о провокационной роли других империалистических держав, прежде всего США. Вудмэн показывает в своей книге, что иностранный капитал до самого последнего времени занимал важные позиции в индонезийской экономике: банки, акционерные общества, предприятия горнодобывающей промышленности, плантации — все это принадлежало в значительной степени иностранцам. Особенно силен иностранный капитал на Суматре. После войны плантации были возвращены их прежним владельцам. По данным на июль 1954 г., 96% плантаций на Яве и Суматре, на которых эксплуатировалось 800 тысяч рабочих, принадлежали иностранцам (стр. 47—49, 426). Иностранные, главным образом голландские, служащие занимали многие важные посты, причем эти служащие нередко прибегали к саботажу. Но должных выводов из приводимого материала автор не делает.

Недооценивая роль американских империалистов в организации антиреспубликанских мятежей в Индонезии, Вудмэн готова часть вины переложить на центральное правительство. Хотя в книге говорится, что огромная часть обвинений республиканской администрации в «яванском национализме», «сверхцентрализации» «исходит из голландских источников, которые едва ли можно назвать независимыми или объективными» (стр. 375), — Вудмэн оказалась в плену тех самых источников, которые она справедливо критикует.

⁸ Вудмэн пишет, что, например, снижение цены на каучук только на 1 цент за фунт означает убыток в 300 млн. долларов в год (стр. 400).

⁹ Сабанг — крайний западный пункт страны, расположенный в Аче, на северо-западной оконечности Суматры; Мерауке находится на востоке Западного Ириана.

Последние события ярко показали, кто является истинным виновником напряженности в Индонезии. Мятежи в декабре 1956 — феврале 1957 г. были организованы на деньги иностранных концессионеров, главным образом нефтяных магнатов США, имеющих крупные вложения на Суматре и в других районах Индонезии. В феврале 1958 г. голландские колонисты при самой активной поддержке США вызвали новые мятежи на Центральной Суматре, Северном Сулавеси, а затем и на Молукках. Эти мятежи были инспирированы в ответ на мероприятия индонезийского правительства, которое в декабре 1957 г. взяло под свой контроль предприятия, принадлежавшие голландскому и смешанному голландско-индонезийскому капиталу, а также выслоило из страны всех голландцев, не занимавшихся общественно полезным трудом.

Много внимания уделяет автор Западному Ириану, справедливо рассматривая его как неотделимую часть Индонезийской республики. Движение за национальное освобождение Западного Ириана («движение Мансрен») началось еще в период японской оккупации. Возвращение голландцев привело к усилению политической активности местного населения. В декабре 1945 г. в г. Холландия восстал батальон, сформированный из папуасов. Были созданы народные военные отряды. Во главе движения стала Партия освобождения индонезийского Ириана. Автор опровергает те «доказательства», которыми голландцы пытаются оправдать свою оккупацию Западного Ириана, и документально подтверждает, что вплоть до последнего времени Западный Ириан не имел для Голландии никакого значения. До 1945 г. единственный интерес для Голландии в обладании этой территорией, замечает с иронией Вудмэн, заключался в том, что здесь были созданы лагеря смерти для тех, кто боролся против голландского господства (стр. 104). В декабре 1949 г. в постановлении Конференции круглого стола было сказано, что вопрос о Западном Ириане должен быть решен через год после передачи суверенитета Республике Индонезии. Однако голландские колонизаторы при поддержке англо-американских империалистов, стремящихся превратить Западный Ириан в «трамплин для нападения на республику», сорвали это решение. «Проблема Западного Ириана, — говорится в книге, — остается... подобной грозовой туче над Индонезией, способной разверзнуться в любой момент с разрушительными результатами. Нерешенная, эта проблема является угрозой для стабильности Индонезии. Решение этой проблемы и включение Западного Ириана в качестве нераздельной части в состав республики усилило бы эту стабильность, так же как стабильность Юго-Восточной Азии, и дало бы народам Западного Ириана благоприятные возможности для развития, которых нельзя и представить себе при запоздалом патернализме голландского колониального правления» (стр. 107—108).

Вудмэн касается и внешней политики Индонезии, отмечая, что молодая республика проводит независимую политику: 10 августа 1954 г. расторгла Голландско-Индонезийский союз, 21 февраля 1956 г. порвала с кабальными решениями Конференции круглого стола. Автор с сочувствием отзываясь о политике активного нейтралитета, которую осуществляет Индонезия, о роли Индонезии в сплочении всех миролюбивых сил Азии и Африки (конференция премьер-министров пяти стран в Богоре и Бандунгская конференция в апреле 1955 г.).

Автор показывает растущее недовольство политикой США.

Несомненно положительной стороной книги является освещение роли СССР в борьбе Индонезии за независимость. Вудмэн пишет о равноправных торговых соглашениях, заключенных Индонезией со странами социалистического лагеря, и о значении этих соглашений для Индонезии, рассказывает о растущем авторитете СССР в Индонезии. Можно лишь упрекнуть автора в том, что эти вопросы освещены слишком бегло.

Ряд разделов книги посвящен внутренней жизни Индонезии. Трезво и без преувеличений описывает Вудмэн экономические и политические проблемы, стоящие перед республикой. Из экономических проблем наиболее острыми являются продовольственный вопрос («проблема № 1») и необходимость ликвидации неравномерности экономического развития отдельных частей страны. Эта последняя проблема тесно связана с переселением избыточного населения с Явы («проблема № 2» — стр. 395). В стране не хватает капиталов для развертывания крупного строительства. Вложения же из капиталистических стран возможны только на кабальных экономических (свыше 20% прибыли на капитал — стр. 399) и политических условиях. Ощущается резкая нехватка национальных кадров.

Один из путей разрешения экономических трудностей правительство видит в создании кооперативов. К концу декабря 1953 г. в стране было уже 8223 кооператива против 5770 в 1951 г. (стр. 392). Деревенские банки преобразуются в кредитные кооперативы, создаются школы подготовки кадров, поощряется создание кооперативов домашней промышленности, главным образом на Яве. Интересным начинанием являются «центральные производственные объединения», которые занимаются централизованной закупкой сырья для своих членов, руководят производственным процессом, заботятся о его улучшении.

Автор зорко подмечает то новое, что рождается сейчас в стране и день ото дня растет и крепнет. Главное — это чувство независимости и чувство единства. По всей стране среди рабочих, крестьян, интеллигенции царит небывалый энтузиазм. Создаются массовые организации — профсоюзные, женские, юношеские; ведутся восстановительные работы, строятся новые объекты, в том числе в районах, которые при гол-

ландцах находились в полном забвении, например на островах Тимор, Флорес и т. д. (стр. 125). В 1951 г. был составлен проект осушения болот у Банджермасина на Южном Калимантане, с тем чтобы вновь освоенная территория могла покрывать рисовый дефицит Индонезии, выражающийся пока в 600 тыс. т в год (стр. 74).

Для этнографов особенно интересны страницы, где автор рассказывает о процессе складывания племен в народности, о процессе консолидации отдельных народностей, а также о развитии национального самосознания. Например, у даяков межплеменные войны прекратились несколько лет тому назад. Еще до второй мировой войны началось постепенное опустение «длинных домов»; в военное и послевоенное время этот процесс резко усилился. Пока даяки еще разделены на 49 племен, имеющих свои обычаи и свои диалекты, половина их все еще живет в «длинных домах». «Но,— продолжает далее Вудмэн,— в Индонезийской республике происходит много изменений. Национальное движение даяков, возникшее три года тому назад..., имеет теперь 200 тысяч членов с членскими билетами и взносами — 1 рупия в год с мужчины и 1/2 рупии с женщины. Деньги расходуются на просвещение... Далее, движение поощряет рост кооперативов, общий язык и замену длинных домов индивидуальными домами» (стр. 295). Создан Национальный совет даяков, они имеют своих представителей в парламенте. Даяки получили доступ к образованию: в 1950 г. только на Центральном Калимантане была открыта 91 новая школа. Почти весь остров охватило движение за создание кооперативов (стр. 69, 74).

Огромные изменения происходят среди тораджей Сулавеси, одного из отсталых народов Индонезии. Автор отмечает у тораджей растущее чувство единства с республикой, стремление тораджей к учебе. В 1950—1951 гг. деревенские общины собирали среди своих членов деньги, чтобы послать 500 мальчиков и девочек в среднюю школу в Макассар, за 300 миль от их родины (стр. 85, 296).

Постепенно меняется жизнь на Бали — жемчужине Индонезии. Открыто более 100 новых школ, всюду проводится работа по борьбе с заболеваниями. Вудмэн отмечает большую роль женщин в жизни острова: они — активные общественницы, работают во многих отраслях национальной экономики, участвуют в профсоюзной деятельности. Новое проникает в самые отдаленные уголки Бали. В одном из храмов, например, Вудмэн наблюдала, что в традиционный орнамент в виде гирлянд цветов с мифологическими животными и существами включен новый мотив: вереницы автомобилей.

Изменения коснулись даже кубу — этого «осколка первобытного человечества», племени, которое справедливо считалось одним из наиболее отсталых на земном шаре. Ныне в районах обитания кубу ведется большая работа, способствующая переходу их от бродячего образа жизни к оседлости (стр. 293—294).

Автор кратко останавливается на проблеме складывания единого индонезийского языка вопреки усилиям голландцев сделать голландский государственным языком Индонезии и помешать развитию единого индонезийского языка — этого могучего орудия сплочения народов Индонезии. В настоящее время государственным языком Индонезии, признанным во всех уголках страны, является индонезийский — бахаса Индонезия.

Вся страна тянется к образованию. Республика получила тяжелое наследство от голландских колонизаторов: почти 94% населения было неграмотным¹⁰. В настоящее время грамотные составляют уже 60% населения¹¹. Но трудности еще очень велики: не хватает учителей, школьных зданий, оборудования.

Усиленно развивается женское образование. Женское движение становится серьезной политической силой в стране. Созданы десятки женских организаций, многие политические партии имеют женские отделения, женские секции созданы в некоторых профсоюзах и т. д. Женщины занимают важные административные посты: например, мэром города Понтианак на западном побережье Калимантана является женщина, минангкабау по происхождению (стр. 68).

В книге содержатся краткие описания отдельных частей архипелага — причем Вудмэн всюду называет острова Индонезии их исконными именами¹² — встречаются зарисовки живых картин народной жизни, дается очерк религиозных верований индонезийцев. Автор рассказывает о длинных домах батаков, о домах для молодежи, домах для собраний. «Подобно минангкабау,— пишет Вудмэн,— батаки все еще сохраняют общинные дома с седлообразной крышей, оба конька которой украшены рога-

¹⁰ С у к а р н о. Индонезия обвиняет, М., 1956, стр. 340; D. W o o d m a n, Рец. раб., стр. 279.

¹¹ В 1953 г. грамотных среди населения на Яве было 54,3%, на Суматре — 55%, на Калимантане — 33,3%, на Сулавеси — 54,6%, на М. Зондских о-вах (Нуса Тенгара) — 55,5%, на Молукках — 20% (D. W o o d m a n, Рец. раб., стр. 293).

¹² В нашей литературе уже укоренилось название Ириан вместо Новой Гвинеи, название Джакарта вместо Батавии. Однако в употреблении названий некоторых других островов проявляется непонятный консерватизм: Сулавеси очень часто именуется Целёбесом, хотя это последнее название является просто искажением местного имени; точно также название Борнео не имеет ничего общего с официальным индонезийским названием этого острова — Калимантан (названий менее крупных островов мы здесь не касаемся).

ми головами буйволов и тотемной резьбой... Деревня состоит из небольшого огороженного участка, центр которого образуют несколько таких длинных домов. Вы взбираетесь по стволу дерева, на котором вырублено подобие ступеней, внутрь длинного дома, где каждая семья имеет выделенное ей место. Молодежь мужского пола обычно имеет собственный длинный дом. В центре поселения находится здание в виде открытой платформы, имеющей седлообразную крышу, где собирается деревенский совет; постройки, где хранятся общественные запасы риса; небольшие навесы, под которыми женщины толкут рис на больших круглых камнях» (стр. 56). Вудмэн считает, что в ближайшие 20—30 лет эти общинные дома прекратят свое существование и станут пережиточным явлением. Автор останавливается на пережитках материнского рода у минангкабау: наследование по женской линии, высокое положение женщины, общинные дома,— и также приходит к выводу, что эта система быстро разрушается в наши дни (стр. 63), хотя и не анализирует специально причины и ход ее разложения. В книге дается также характеристика яванской сельской общины — деса (стр. 332 и сл.), однако замечание автора о том, что деса мало изменилась за время от Куна (голландский генерал-губернатор Ост-Индии в 1618—1629 гг.) до образования республики, ни в какой мере не соответствует действительности.

В главе 13, посвященной культурной жизни Индонезии, автор дает краткие сведения о борьбе различных течений в новой и новейшей индонезийской литературе (стр. 300—309). К сожалению, богатейшей древней и средневековой индонезийской литературе автор не уделил внимания. С большой симпатией описывает Вудмэн искусство народов Индонезии. В книге отмечается индонезийское влияние на искусство папуасов, а также на их обычное право (стр. 100—101). Специальные параграфы посвящены музыке, орнаменту, живописи, театру, танцам. Всюду Вудмэн отмечает возникновение новых идей, новых течений. Основным критерием, по выражению художника Аффанди, становится «независимый подход и социальная значимость искусства» (стр. 315). В театре, наряду со старыми традиционными формами, возникает новый вид — сандивара, близкий к нашему драматическому искусству. Основным содержанием последних художественных произведений и фильмов является борьба за независимость и тема строительства новой жизни. Автор отмечает большую роль Сукарно в сохранении культурных традиций (стр. 322).

Неожиданным выглядит заключение этой главы. Вудмэн пишет: «Нет до сих пор культуры, которая могла бы быть названа «индонезийской». Имеется разнообразие культур на различных ступенях развития» (стр. 328). С этим никак нельзя согласиться. Сама Вудмэн неоднократно (стр. 131—136, 309—327 и в других местах) говорит о единстве происхождения индонезийской культуры, об ее общих чертах, проявляющихся в языке, материальной культуре, искусстве. Поэтому следует говорить не об отсутствии единой культуры,— ибо она есть, и это именно индонезийская культура,— а о разнообразии составляющих ее элементов.

Борьба Индонезии за независимость, против колониализма и империализма, внутренние проблемы республики, ее внешняя политика, наконец, история и культура ее народов нашли свое отражение на страницах рецензируемой книги, которую можно считать одной из лучших работ об Индонезии, написанных буржуазными авторами за последние десятилетия.

Ю. Маретин

НАРОДЫ АМЕРИКИ

К истории Российско-Американской компании (Сборник документальных материалов), Красноярск, 1957, 180 стр.

По истории Аляски XVIII — начала XIX в. и по этнографии ее народов имеется обширная и разнообразная литература. Русские географические открытия и деятельность купеческих компаний, и в первую очередь Российско-Американской компании, русская колонизация Северной Америки и жизнь народов Аляски — все это привлекало и будет привлекать внимание историков и этнографов. В советское время много сделали для изучения истории Русской Америки с привлечением новых материалов А. И. Андреев, Л. С. Берг, А. В. Ефимов, С. Н. Марков, С. Б. Окунь и др.

Изучавших историю Российско-Американской компании и русских владений в Америке давно привлекали материалы библиотеки известного красноярского купца и собирателя книг и рукописей Г. В. Юдина (1840—1912). После того как Юдину не удалось продать свою коллекцию царскому правительству, она была приобретена правительством США и оказалась в библиотеке Конгресса в Вашингтоне. Часть же юдинской коллекции поступила в Красноярский краевой государственный архив, где она хранится и сейчас. Сотрудники Государственного архива и Педагогического института Красноярска выявили и опубликовали в рецензируемом сборнике ряд ценных